

Было ли это влияние артефакта, желающего человеческую сперму, или наслаждение от самого этого человека – для размышлений об этом рассудок Бертрама был слишком притуплённым и смутным.

К тому же сейчас не было даже времени думать. Эрих без малейшей отсрочки сразу начал поднимать бёдра и совершать толчки, а Бертрам лишь мог, увлекаемый этим потоком, издавать стоны.

— Ахк, Эри, Эрих, хк, ух!

Словно игра щупальцами была лишь детской забавой, последовали яростные введения и отступления. Каждый раз, когда с хлюпающим звуком член тыкал внутрь, горячее и тяжёлое чувство удовлетворения заполняло всё тело. Вместо неприятного ощущения выступов вены, выступающие на поверхности ствола, царапали внутренние стенки, а твёрдая, но мягкая головка старательно тыкала и раздвигала чувствительное место.

Наслаждение, от которого гудел позвоночник, растекалось по всему телу. Сила рук Эриха, крепко держащих широко раздвинутые ноги, мошонка и колючие лобковые волосы, касающиеся ягодиц – всё это было головокружительно хорошо. Запрокинув голову до предела назад, пуская слюни и отдаваясь наслаждению, взрывающемуся, как фейерверк.

— Хх, Бертр, ам...!

Наконец достигший кульминации Бертрам задрожал всем телом, словно поражённый молнией, и изогнул бёдра. Два брата крепко обняли тело Бертрама спереди и сзади и глубоко вошли, а через мгновение, когда половой член Бертрама извергал сперму столько, сколько мог, медленно вытащили член. Эрих медленно вытащил член, с радостной улыбкой одним движением выдернул серебряную иглу, и прозрачная и обильная жидкость хлынула из круглого отверстия уретры, как моча.

Пока от жестокого оргазма всё тело Бертрама дрожало и спина выгибалась назад, Эрих слегка повернул голову к наблюдавшим сзади братьям-волкам и подмигнул. Не увидев даже, как двое братьев, обнажив зловеще возбуждённые члены, встали и подошли сюда, сознание Бертрама улетело в далёкие дали.

Судя по цвету ожерелья, до конца было ещё далеко, но Бертрам бессильно улыбнулся и закрыл глаза. Это была удовлетворительная кульминация.

Сколько же спермы он принял – едва избавившийся от последствий и погружившийся в глубокий сон Бертрам видел очень короткий сон.

— Я не уйду от тебя и не убегу из твоей близости, Бертрам. Как я могу покинуть твою сторону, когда после долгих скитаний и блужданий пришёл именно сюда.

Это был сон о времени, когда он не был так уж молод. Если точно определять период – зима шестнадцатилетнего возраста, когда была нежная рука, утешавшая его, видевшего кошмары в смещении подростковой смуты и тревоги об Эрихе. Эрих, обычно лёгкий и непринуждённый, редко с серьёзным взглядом смотрел на него сверху вниз.

— Конечно, раньше я, возможно, ненавидел бы тебя. Независимо от того, справедлив тот поступок или несправедлив, возможно, мучил и тревожил бы тебя. Думая, что так обида

разрешится. Думая, что так мучения пройдут.

—

— Но теперь нет. Не потому что просто прошло много времени и воспоминания о прошлом размылись. Просто с течением времени во мне накопилось множество других вещей.

— Других вещей...?

— Твой предок насильно вырвал меня из смерти, и это всё ещё неприятно, но благодаря этому я мог путешествовать по миру и видеть множество вещей. Красивые и ценные вещи. Вещи, придающие особый смысл этой жизни, которая просто вечно продолжается.

—

— И ты тоже один из них, Бертрам.

— ...Я?

— Да, именно ты. Потому что значение, которое ты даёшь мне сейчас, гораздо больше, чем прошлые обиды или боль. Потому что радость и счастье от пребывания с тобой гораздо более значимы, чем страдания от прошлой боли.

— Эрих, Эрих...

— Поэтому я оставался рядом с тобой до сих пор. И буду продолжать так и дальше. Поверишь мне, Бертрам?

Он до сих пор помнит нежное прикосновение, когда Эрих шептал и обнимал. Хотя в то время Бертрам был уже выше Эриха ростом, помнит, как Бертрам, обнимаемый Эрихом, плакал навзрыд, словно вернувшись десятилетним ребёнком.

Но после того, как так долго плакал, Бертрам, наоборот, долго смеялся от облегчения, словно снял ношу с плеч. Возможно, тот день был днём, когда не только Бертрам, но даже сам Эрих сделал шаг ближе к тому, чтобы стать "взрослым".

Пока Бертрам спал, видя сладкий сон, время естественно текло.

Небо, едва вернувшее изначальный ясный свет, постепенно темнело, когда садилось солнце и опускалась тьма. Цвет драгоценного камня, прикрепленного к ожерелью, вернулся к изначальному синему цвету, а тело Бертрама, запачканное спермой и потом, вскоре было начисто вымыто.

Бертрам, одетый в чистую одежду, доверив тело спине превратившегося в синего волка Бориса, покачиваясь, передвигался по лесу. Когда на мгновение приходил в сознание и барахтался в мелком сне, шум лесного ветра и звуки разговоров людей касались ушей и проходили мимо.

— В порядке? Я слышал от Хербарта-господина, что произошло очень серьёзное дело. Говорил, что ужасно намучились, останавливая командира, пытавшегося навредить себе из-за последствий.

— Дааа, ну. Было серьёзное дело во многих смыслах... Хорошо отдохнул, Хербарт?

— Пока вы трое трудились, хорошо поел и отдохнул, так что совершенно в порядке. Хоть немного обидно, что ушли, оставив только меня.

— Нет, ну это... Правда извини.

Краем уха понял, о чём речь, но участвовать в разговоре было невозможно, так как хотелось спать и не мог открыть глаза. Не нужно беспокоиться о делах членов торговой компании, нужно будет потом хорошо уговорить Хербарта - Бертрам, оставив лишь такие смутные ощущения в уголке памяти, плавно качался на волнах сна.

— Хм. В любом случае, что теперь планируют делать господа из торговой компании? Собираетесь продолжать работу до рассвета и сегодня? Я тоже только что воскрес, так что тело не очень хорошее, и командиру тоже нужно отдыхать, так что активно охранять будет трудно.

— Об этом хотел сказать... Похоже, нам лучше теперь прекратить работу. Из-за того, что те дозорные ворвались, все старательно установленные магические формации разрушились. В этом году сбор прошёл хорошо, так что запланированную квоту выполнили, так что завтра можем отступить без проблем. Конечно, плату за контракт на десять дней и дополнительное вознаграждение выплатим должным образом.

— Денежный вопрос, кажется, можно обсудить позже с командиром, тогда считать, что сегодня отдыхаете без работы?

— Да. Сегодня ночью отдохнём, собирая вещи, а завтра, когда взойдёт солнце, выйдем из леса.

Эрих и члены торговой компании начали обсуждать немного более сложные вещи, но и это не казалось срочным вопросом. Особо спешного дела не было, и казалось, что обсудить завтра, когда проснётся, тоже не будет большой проблемой, так что Бертрам снова глубоко заснул.

Когда он открыл глаза, была уже глубокая ночь. Изначально этот лес довольно светлый даже ночью, но сегодня было не так - потому что луна, всегда ярко освещавшая небо, сегодня была новолунием и не могла проявить силу. В дни без луны светлячки тоже спрячутся, так что вокруг было лишь темно и тихо.

Но и это было неплохо. Ночное небо, где между не мерцающими листьями сияли одна-две звезды, имело свою прелесть. Даже если не смотреть на светлячков...

— ...Если хотите увидеть светлячков, можно попробовать позвать. Если наложить на окрестности магию иллюзий, следуя ложному лунному свету, соберутся светлячки лунной тени. Хотя без магической формации мощь будет не сильной, но несколько десятков штук обманутся.

В тот момент голос кого-то, словно прочитавший мысли Бертрама, разнёсся по поляне. Это был голос Хуго.

Сначала Бертрам немного подумал, как интерпретировать этот внезапный разговор. Хотя было темно из-за отсутствия светлячков, особо сожалеть не о чем, и более того, Бертрам только едва открыл глаза, не показав, что проснулся. Но почему издаёт такие звуки.

Однако через мгновение Бертрам едва понял, что этот разговор был обращён не к нему.

— Это всё равно что обман. Не нужно.

— Но, молодой господин, мы изначально зарабатываем деньги этим обманом. Светлячков, собранных до вчера, тоже собирали таким способом.

— Я знаю! Но это работа, чтобы выжить... Когда не нужно, не буду делать.

Тихо повернув голову, чтобы не издавать звука, увидел, что прилипший к боку Хуго Юлиан надувал выпяченные губы и ворчал. Изначально Хуго разговаривал с Юлианом. Двое, опершись спинами о дерево на краю поляны, смотрели на небо, где сверкали только звёзды.

Подумав, что хорошо не реагировал, Бертрам смотрел на двоих. Не хотелось показывать, что проснулся. Потому что подумал, что вмешаться в разговор – не будет ничего хорошего.

— Это тоже не неправильные слова. В ситуации, когда нет необходимости обманывать, правильно не делать этого. Изначально это и не очень хорошее дело.

— ...Тогда ты делаешь, потому что есть необходимость?

— Что вы имеете в виду.

— Ты тоже постоянно так. На самом деле ужасно меня ненавидишь, а постоянно притворяешься, что хорошо относишься.

Вот видишь, действительно не разговор, в который можно вмешиваться. Хотя казалось, что говорит довольно резко, в голосе и выражении Юлиана явно читался страх. Бертрам немного понял чувства этого ребёнка. Страх, который не скрыть, даже напуская на себя вид... Отчаяние – не быть признанным, но и не быть брошенным...

— Но тогда спасибо. Ты спас меня.

— Спас молодого господина не я, а наёмники. Если бы не они, как бы я ни пытался остановить, было бы бесполезно.

— Но всё равно прибежал, чтобы защитить меня. Этого достаточно. От глупого и никчёмного мага, который всегда лишь избивался отцом, большего и не ожидал.

— Действительно, молодого господина нельзя любить даже если стараться. Чуть не возникла симпатия на мгновение.

— Всё равно будешь ненавидеть, что бы я ни делал. На самом деле хочешь куда-нибудь выбросить?

Эта манера речи, когда вместо того, чтобы отплатить за долг одним словом, получаешь побои – унаследована от отца? Однако, даже услышав такие слова, сам Хуго не выглядел особо обиженным. Похоже, уже привык. Он глубоко вздохнул, затем понизил голос, словно рассказывая секрет. Впрочем, до ушей Бертрама всё дошло.

— Да. Определённо молодой господин мне неприятен. И в будущем не случится, чтобы я полюбил молодого господина.

—

— Станете ли молодой господин в будущем человеком, похожим на отца, или лучшим

человеком – не имеет отношения к делу. Просто неприятно и раздражает. Один вид напоминает о неприятных событиях.

—

— Но, отдельно от этого, не брошу молодого господина и не уйду, оставив одного. По крайней мере, пока не разрешится застарелая обида.

Бертрам, рассеянно слушавший разговор двоих, заметив, что кто-то рядом во сне шевелится, слегка повернул голову. Это был Эрих. Из-за того боя и секса сильно устал, Эрих спал с гораздо более бледным и уставшим лицом, чем обычно. На лбу блестели капли пота.

Бертрам тихо протянул руку, вытер его лоб и заодно немного погладил щеку Эриха. Белая и мягкая щека юноши была приятна на ощупь и раньше, и сейчас.

— Хочешь отомстить мне?

— Пока я не смогу убедиться, что всё закончено.

— Когда это случится?

— Этого никто не знает. Просто предполагаю, что так случится, когда накопится много времени.

— Когда ты всё примешь, тогда что станет со мной?

Разминая и растягивая щеку Эриха, как тесто, он издал хнычущий стон и уткнулся лицом в грудь Бертрама. Этот вид всё ещё казался невинным, как у восемнадцатилетнего юноши, так что Бертрам невольно улыбнулся. Конечно, этот человек тоже стал гораздо более зрелым и твёрдым, чем в юности, полной ран. Как и Бертрам.

— Тогда я перестану ненавидеть молодого господина.

В мире есть вещи, которые можно решить только временем. Делая вид, что не заметил Хуго, который, похоже, понял, что Бертрам проснулся, и украдкой поглядывал сюда, Бертрам обнял Эриха и снова попытался заснуть.

Хотя немного раньше, чем ожидалось, это поручение почти завершилось, и, вероятно, Бертраму не придётся больше видеть тех двоих. По сути, они почти чужие, так что неважно, что с ними станет. Но он молился, чтобы двое, похожие на него и Эриха из прошлого, могли двигаться в направлении, причиняя друг другу меньше ран. Бертрам с такой молитвой снова погружался в сон.

Лес был холодным, но тепло тела обнятого Эриха было приятным. Скорее, не само это тепло было радостным, а долгие годы, эмоции и связь, содержащиеся в тепле друг друга, передавали стабильность и удовлетворение. От защитника к товарищу по отряду наёмников, от товарища к глубоким отношениям, соединяющим животы и смешивающим тела. Хотя неизвестно, как изменятся эти отношения в будущем, одно точно. Отношения с этим человеком будут продолжаться и дальше.

Бабник, трус, плохой парень – бормоча во сне непонятно кого имеющие в виду слова, Эрих шевелился в объятиях. Возможно, смутная мысль о том, не является ли и он "бабником", о котором говорит Эрих, промелькнула в голове Бертрама.

Но что поделаешь? По крайней мере, нужно стараться долго-долго оставаться рядом с этим человеком, чтобы не стать "плохим парнем". Бертрам с такой решимостью в душе отдался глубоким волнам сна.

<http://bllate.org/book/15038/1423163>